

ЧЕЛОВЕК В “ЧЕЛОВЕКЕ”. БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ ЮДИН В НАУКЕ И В ЖУРНАЛЕ

Прошел год, как не стало Бориса Григорьевича Юдина, главного редактора нашего журнала. Он ушел из жизни 6 августа 2017-го. Борис Григорьевич возглавил журнал по просьбе Ивана Тимофеевича Фролова, покинув пост главного редактора сложившегося и успешного академического издания “Вопросы истории естествознания и техники”. Тогда, в 1990 все надо было начинать с нуля: создать коллектив, определить тематику, найти авторов. И сверхзадача — способствовать институционализации новой дисциплины, междисциплинарной, но вполне определенной области исследований — человекознания (человековедения). В то время Институт человека существовал лишь в виде проекта, действовала пара вузовских кафедр общей (философской) антропологии, но не было ни устоявшейся тематики исследований, ни профильных изданий (не только журналов, но и монографий), ни специалистов, ассоциирующих себя с данной тематикой. Концепция Института и журнала — комплексное междисциплинарное изучение человека — выглядела заманчивой, перспективной, эвристичной, но ее необходимо было как-то конкретизировать. Этим, в частности, и занимался журнал с первого дня своего существования вместе с созданным вскоре Институтом человека.

Борис Григорьевич предложил несколько тем, впоследствии получивших легитимацию в человекознании. На долгие

годы они стали магистральными для отечественных наук о человеке.

■ Биомедицинская этика (биоэтика). Этика стала предметом интереса Б.Г. Юдина давно — в свое время совместно с И.Т. Фроловым они выпустили нашумевшую книгу “Этика науки”¹, где мораль и нравственность рассматривались прежде всего как социально-этические *регулятивы*. Напряженные размышления об этических коллизиях и парадоксах научных исследований оказались крайне востребованы в новой для нашей научной и общественной мысли сфере. Быстро став признанным лидером биомедицинской этики в стране, Юдин развивал многие исследования в данной области — от контроля за экспериментами над человеком и клонирования до проблем старения, прав пациентов, профессиональной медицинской этики. В его работах незнакомая россиянам загадочная эвтаназия превратилась в предмет общественных дискуссий. Отличительной чертой его позиции было признание абсолютной самоценности человеческой жизни, понимание ее как уникального и вместе с тем естественного жизненного ресурса.

По его инициативе на страницах нашего журнала и других изданий начали критически, трезво обсуждаться проблемы профессиональной этики, корпоративных кодексов, без которых сегодня немыслима деловая активность.

■ С первых дней работы в журнале Б.Г. Юдин рассматривал человека как феномен, который является предметом гуманитарного знания, а по большому счету — знания вообще. Знаменитые кантовские “две вещи, которые никогда не перестают удивлять: звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас” и “человек существует как цель сама по себе” — это и о мировосприятии Бориса Григорьевича. В человеке все может и должно быть предметом познания. Там, где можно — теоретического, там, где предмет сопротивляется абстрагированию, не укладывается в понятийную сетку, — философской рефлексии, исторической реконструкции, художественного отражения. В практику журнала прочно вошли “круглые столы”, на которых обсуждались возможности тех или иных дисциплин в познании человека, междисциплинарные взаимодействия, новые “человековедческие” парадигмы, исследовательские стратегии, публиковались соответствующие статьи², но также и размышления представителей различных религиозных конфессий, исторические экскурсы, ретроспективные подборки мастеров живописи, на полотнах которых раскрывались глубина и разнообразие мира человека.

■ В начале 1990-х в отечественные науки о человеке вошла новая тема: человеческий потенциал /человеческий капитал. Журнал с самого начала активно поддерживал и развивал ее³.

¹ Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки. Проблемы и дискуссии. М.: Политиздат, 1986.

² Огурцов А.П. Педагогическая антропология: поиски и перспективы // Человек. 2002. № 1–2; Цейтлин Б.М. Эйдос фюзиса // Человек. 2006. № 4.

³ Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г. Концепция человеческого потенциала: исходные соображения // Человек. 1996. № 4.

Человеческий капитал — сложный конструкт, агрегирующий несколько фундаментальных переменных: характер и содержание труда, занятость, уровень образования, показатели здоровья, в том числе психического и т.п.⁴ Институт человека разрабатывал и практически реализовал концепцию человеческого потенциала в условиях конкретного поселения — поселка Парфеньево Костромской области.

■ Одним из пионерских проектов Б.Г. Юдина была концепция гуманитарной экспертизы. На рубеже 1990-х надо было обладать большим воображением, чтобы позиционировать представителя гуманитарного знания как равноправного участника принятия ответственных решений в социальной или народно-хозяйственной сфере. Борис Григорьевич настойчиво продвигал гуманитарную экспертизу на страницах журнала, подбирая авторов, искал ситуации и объекты, требующие “вмешательства” гуманитарного знания.

■ Один из новейших и популярных трендов гуманитарного знания — трансгуманизм. В XX веке гуманизм подвергся серьезным испытаниям в общественном сознании. Говорят даже о его кризисе. Поэтому попытки адаптировать гуманистические ценности к новым реалиям, а тем более к будущему, как правило, воспринимаются с осторожностью и даже настороженностью. Борис Григорьевич на страницах журнала представлял возможность высказаться как сторонникам, так и оппонентам трансгуманизма, пытался вычленив рациональное зерно предполагаемых новаций⁵. Думается, его взвешенная позиция останется для нас руководством к действию в данном вопросе.

■ Вопрос о трансгуманизме и постчеловеке тесно переплетается с темой, которой Б.Г. Юдин активно занимался в последнее время: *естественное* и *искусственное*. По его мнению, оба компонента этой фундаментальной для всякой культуры оппозиции несут в себе мощный ценностный заряд, который для каждого из них бывает положительным либо отрицательным.

Естественное может восприниматься как дикое, неосвоенное, чуждое, некультурное, хаотичное, неорганизованное, неразумное, как источник опасностей и угроз. Тогда искусственное, напротив, будет представляться освоенным, окультуренным, своим, близким, организованным, упорядоченным, дающим прибежище и защиту.

Вместе с тем естественное способно выступать в качестве чего-то, существующего вне и помимо нас, обладающего собственными законами и потенциями своего бытия, собственным устройством, порядком и организованностью — тем, что может восприниматься не просто как безразличный материал

⁴ Келле В.Ж. Человеческий потенциал: концепции и показатели // Человек. 1998. № 4.

⁵ Юдин Б.Г. Трансгуманизм — наше будущее? // Человек. 2013. № 4.

для нашей деятельности, но и как нечто самоценное, а также и то, чему мы можем внимать, в том числе и для извлечения каких-то уроков. При такой трактовке искусственное — это, прежде всего вторичное, заведомо несовершенное, всего лишь подражание — более или менее удачное — естественному, даже нечто, быть может, несущее ему (а следовательно, и самому себе) угрозу разрушения.

Обозначенная оппозиция позволяет более методологически корректно и с обязательным использованием моральной оптики подходить к таким дискуссионным сегодня проблемам, как конструирование и совершенствование человека, технологическое (генетическое) вмешательство в природу человека и в его телесность и пр.

Однако все это выглядит гладко только в теоретических описаниях. А речь шла о практической редакционной работе, в которой теоретические красоты не только не помогали, но даже толком не просматривались. Формулировать и обосновывать приоритеты — дело для всех нас привычное и приятное. Но как быть, когда перед тобой совершенно не структурированное, да и не слишком поддающееся структурированию поле, массив не всегда вербализуемых представлений и знаний, плохо поддающихся какой бы то ни было верификации и фальсификации? Область не просто междисциплинарная, но даже не ограничивающаяся одними лишь научными дисциплинами, где интеграция и синтез средствами понятийного аппарата нередко заведомо невозможны и достигаются лишь традиционным “донаучным” способом: на уровне *понимающего* (в неокантианском смысле) и принимающего решения субъекта?

Эти эпистемологические экзерцисы имели самое прямое отношение к практической редакционной работе. Приоритеты в чем-то были понятны с самого начала. Но как не превратить их воплощение в “фабрику военно-походных кроватей им. тов. Прокруста”, по удачному выражению из “Записных книжек” Ильфа? Здесь опять та самая проблема “естественного” и “искусственного” встает в специфическом ракурсе: несовпадение стихийного развития научной жизни и культурной рефлексии с даже самыми очевидными и обоснованными представлениями о том, что важно, а что — не слишком, что безусловно верно, а что — завирально. Ведь со всем этим только предстоит определиться, и не ясно, можно ли это сделать в принципе...

С первых дней перед журналом встал вопрос о границах между допустимым и недопустимым вмешательством, о том, как найти нужную грань между размытостью тематики, отсутствием внятной политики — и искусственным (в самом дурном

смысле) ограничением естественного (в смысле самом хорошем) течения интеллектуальной жизни. Выбор был нелегок и вызывал в редакции немалые споры. Тем более, что и представления о том, “как надо”, “что такое хорошо и что такое плохо” внутри редакции сильно различались. И за каждым из них была своя правда.

В этой ситуации Борис Григорьевич пошел, наверное, единственно разумным и нравственным путем — свел к минимуму навязывание одних подходов и ограничение других. Здесь огромную роль сыграла нравственная и интеллектуальная позиция Бориса Григорьевича, никогда не провозглашавшаяся в явном виде, но очевидная при взгляде “из перспективы”. Это терпимость к разномыслию и нетерпимость к безмыслию. Полное принятие кантовской максимы о человеке как о цели, а не средстве и перенос ее на Культуру. Отсюда, в частности, берет начало один из важнейших принципов редакционной политики — интерес и почтение к идеологиям там, где они осознают себя частью культуры и готовы искать точки соприкосновения с культурой научной, — и категорическое неприятие попыток любой идеологии использовать культуру как свой инструмент, подчинить ее себе, подменить собой. Отсюда же и категорическое неприятие дилетантских рассуждений, в которые так легко впасть, говоря о человеке и о культуре. Можно назвать еще несколько понятных и “естественных” ограничений. Но за этими пределами — “реализм почти без берегов”, минимум ограничений на тематику, авторские позиции и даже на жанр изложения.

Это был нелегкий выбор, который принес не только успехи, но и неудачи. Но, наверное, в имеющихся условиях он был единственно разумным. Это — наследие, которое нам оставил бессменный главный редактор, член-корреспондент РАН Борис Григорьевич Юдин — для многих в редакции просто Борис. Нам остается только надеяться, что мы сумеем достойно продолжить его дело.